

Попросив не считать это «эксклюзивным интервью», Гergieв поделился с корреспондентом «МН» некоторыми

соображениями об уникальной постановке Питера Селларса и Билла Виолы.

«Мы сегодня какие-то позиции стали занимать в вагнеровском пространстве, в мировой игре... раньше этого начисто не было. И усилия Мариинского театра — огромные, где-то и мои. Я все-таки в Метрополитен уже три вагнеровские оперы дирижировал: «Парсифаль», «Валькирию» и «Летучего голландца». Сначала это вызывало недоумение, потом успокоились, стали к этому привыкать. «Парсифаль» в Зальцбурге вышел просто исторический. А тут в «Тристане и Изольде» поет замечательная русская девочка (Екатерина Губанова. — А. Д.). Если это в целом поможет какой-то эволюции — а может, и революции, — у нас, в российском театре, это, безусловно, будет очень важно. Надо просто выстроить систему, чтобы не только Мариинский и Большой, но еще пять-шесть театров в провинции считали бы себя вправе на международном пространстве делать серьезные заявки на Верди, на Вагнера.

«Тристан и Изольда» в Париже и в Санкт-Петербурге в постановке Дмитрия Чернякова — разные. Но такие произведения, как «Тристан», требуют более или менее постоянного обращения к себе. Каждые пять - семь лет в такой крупной оперной державе, как Россия, мог бы появляться новый сценический вариант. Черняков без Мариинского театра этого спектакля бы не сделал. «Тристан» в Мариинском, я считаю, надо дорабатывать, доводить. Певцы будут себя со временем более естественно чувствовать: не в атмосфере черняковского спектакля, а в атмосфере, которая в принципе порождается вагнеровской партитурой.

А с Биллом Виолой мы очень подружились, он талантливейший артист... Я вообще должен был стать постановщиком этой оперы, но я не мог, был в Карнеги-холл тогда. Для меня это первый «Тристан» вне России. Это не просто новый театр — это один из возможных обликов театра будущего. Очень даже возможно, что мы с Виолой поработаем в России.

*Медиа. Мейерхольд
2005 - № 22
90К - 025*